
УДК 81'42

ББК 81.003

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/3/96-103>

РОЛЬ АЛЛЮЗИИ КАК ЭЛЕМЕНТА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ДЕТЕКТИВНОМ ДИСКУРСЕ (НА БАЗЕ РАССКАЗА Э. К. БЕНТЛИ «THE GENUINE TABARD»)

М. К. Оводова

Московский государственный лингвистический университет

THE ROLE OF ALLUSION AS AN ELEMENT OF INTERTEXTUALITY IN THE DETECTIVE DISCOURSE (ON THE BASE OF THE STORY "THE GENUINE TABARD" BY E. C. BENTLEY)

M. K. Ovodova

Moscow State Linguistic University

Аннотация: данная статья посвящена исследованию интертекстуальных элементов в детективном дискурсе. Интертекстуальность, являясь «диалогом» двух текстов, представляет собой двуплановую структуру, разделяясь на материальную и тематическую. Данные типы интертекстуальности выражаются в заимствованиях элементов плана выражения (слово или его вариант) и плана содержания текста (сюжеты, мотивы, темы, образы) соответственно. В работе мы обращаемся к изучению тематической интертекстуальности для установления библейского сюжета, являющегося основанием детективного рассказа. Для достижения поставленной задачи анализируется аллюзия, которая, будучи одним из показателей материальной интертекстуальности, представляет собой скрытый тип заимствования элементов, по которым реципиент узнает исходный текст. В исследовании делается акцент на выявление библейских аллюзий, поскольку Библейский текст является самым используемым пре-текстом в европейской культуре, и сам детективный дискурс, содержа отсылки к Священному Писанию, предполагает связь с христианскими ценностями. В качестве источника материала выступает рассказ Э. К. Бентли «The Genuine Tabard». Анализ рассказа построен по алгоритму, состоящему из четырех шагов: определение библейского сюжета; сопоставление характерных черт героев; установление языковых средств, подтверждающих связь с исходным текстом; установление неатрибутированных аллюзий. Выявленные аллюзии имеют разную степень имплицитности: легко декодируемые, выраженные через библейские фразеологические единицы, и трудно декодируемые (неатрибутированные), проявляющиеся через изменение части речи, синонимичные конструкции и слова, смысловую корреляцию и синтаксическую структуру предложений, дешифровка которых требует от читателя определенного культурного фонового знания. В ходе анализа были установлены два основных типа аллюзий: способствующие трансформации библейского сюжета, и аллюзии, позволяющие реконструировать библейский сюжет в детективном дискурсе.

Ключевые слова: художественный дискурс, детектив, интертекстуальность, аллюзия, Библия.

Abstract: the given article focuses on the research of the intertextual elements in the detective discourse. Being a "dialogue" of two texts, intertextuality represents a two-dimensional structure, divided into material and thematic. The given types of intertextuality are expressed in borrowings of the elements of plane of expression (a word or its variant) and of plane of content (plots, motifs, topics, images) respectively. In the research we address to the study of the thematic intertextuality in order to determine a biblical plot, which is in the basis of the detective story. To achieve the task we analyze the allusion, which, being an indicator of material intertextuality, represents a hidden type of borrowing elements with the help of which the recipient recognizes the pre-text. The study

© Оводова М. К., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

focuses on identifying Biblical allusions as Biblical text is the most used pre-text in the European culture. Containing references to the Holy Scriptures, the detective discourse itself suggests a connection with the Christian values. As the source we took the story by E. C. Bentley «The Genuine Tabard». The analysis of the story is based on the algorithm, consisting of four steps: identification of the biblical plot; the comparison of the characters' main features; determining linguistic means, which confirm the connection with the source text; defining the unattributed allusions. Identified allusions are of different types of implicitness: easily decoded ones, expressed with the help of biblical phraseological units, and the ones which are difficult to decode (unattributed), manifested in the change in part of speech, synonymous constructions and words, semantic correlation and syntactical structure of sentences, the decoding of which implies the possession of a specific cultural background knowledge. During the analysis of the text, we distinguished two types of the allusions, the ones which transform the plot, and the ones, which allow to decode the biblical plot in the given discourse.

Key words: literary discourse, detective, intertextuality, allusion, the Bible.

Введение

Художественный дискурс может быть определен как коммуникативное событие, в котором принимают участие субъекты (главным образом – читатель и автор), являющиеся носителями определенного культурного знания, системы ценностей, жизненного опыта. Читатель, выступающий в роли реципиента-интерпретатора, декодирует разного рода элементы, определяющие глубину понимания созданного автором текста (см. подробнее работы: Т. А. ван Дайк, В. И. Карасик, Н. Д. Арутюнова, С. Г. Тикунова, О. Ю. Стародубова и др.). В художественном дискурсе среди элементов, требующих декодирования, выделяют отсылки к другим текстам, в частности к текстам Библии. Эти отсылки формируют целую систему компонентов такого феномена, как интертекстуальность.

Теоретическая база

Термин «интертекстуальность» стал одним из основных в современном изучении дискурса и текста. Опыт использования одного текста внутри другого был известен еще в древние времена как важнейшая практика письма (см., например, работы М. М. Бахтина, Р. Барта, Ю. Кристевой, Н. Пьеге-Гро и др.). Однако теория интертекстуальности стала разрабатываться с середины двадцатого столетия и восходит к теории диалогизма М. М. Бахтина, в которой раскрывается понятие диалога через оппозицию «свой» – «чужой». В рамках этой теории в качестве ключевого выступает положение о том, что слово диалогично и социально по своей природе. Диалогическое слово включает в себя чужие интенции, реплики и представляет собой их в определенном смысле переработку. Переходя из одного контекста в другой, слово вбирает в себя все контексты, в котором оно раньше функционировало [1].

Дальнейшее развитие данная теория получает в работе французской исследовательницы Ю. Кристевой. Термин «интертекстуальность» (фр. *intertextualité*) впервые был введен в ее работе в 1967 г. и стал определяться не только как средство анализа художествен-

ных текстов, но и как мироощущение современного человека. Идею «диалога» по М. М. Бахтину Ю. Кристева понимала как диалог между текстами, т. е. происходит переосмысление самого понятия «текст». Исследовательница представляет интертекстуальность как «пермутацию других текстов; в пространстве того или иного текста перекрещиваются и нейтрализуют друг друга несколько высказываний, взятых из других текстов» [2, с. 136]. Такой подход охватывает знаковые системы, семиотические практики и текстовую организацию, отсылающую к основному способу, т. е. семиотическому анализу, с помощью которого текст вписывается в историю [2, с. 137]

Идеи Ю. Кристевой легли в основу развития самых разных подходов к интертекстуальности. К примеру, эстонский семиотик П. Х. Тороп вводит термин «интекст», под которым он понимает семантически насыщенную часть текста, чьи смысл и функции определяются двойным описанием. Он пишет: «Текст, представляемый какой-либо своей частью в другом тексте, становится тем самым описываемым текстом, метатекстом» [3]. В классификации интекстов ученый выводит два типа: по способу примыкания метатекста к прототексту (полемический или утвердительный) и по уровню примыкания (явный и скрытый). Интерес также представляют подходы, разработанные в отечественной филологии. Например, Л. П. Ржанская понимает под интертекстуальностью литературный прием (цит. по: [4]), Н. А. Фатеева рассматривает ее «как троп или стилистическую фигуру речи» (цит. по: [4, с. 35]), а В. П. Руднев в свою очередь – как «способ построения художественного текста» [4].

Любой текст, как пишет В. П. Москвин, априорно представляет собой двуплановую структуру, где противопоставляются два типа интертекстуальности: 1) «материальная интертекстуальность», заимствующая элементы плана выражения текста; 2) «тематическая интертекстуальность», которая проявляется в общих темах, мотивах, сюжетах и образах, что является планом содержания текста (цит. по: [4]) (развитие данного подхода см., например, в [5]). Дж. М. Лемке

здесь различает три группы текстов: интертекстуальные отношения между текстами на основе их «общей темы», иными словами, семантическое сходство идейно-эмпирических ресурсов, «полей»; тексты, имеющие «одинаковую точку зрения» по отношению к аудитории или содержанию (ирония, сатира, критика); тексты со схожей жанровой структурой (сонеты, уроки, планы, отчеты) [6].

Если В. П. Москвин дал определение двум основным типам интертекстуальности, то Н. А. Фатеева в свою очередь разработала классификацию интертекстовых элементов. Так, в своей работе она выделяет: 1) цитаты с атрибуцией, которыми является обращение к тексту-донору с указанием на источник, и цитаты без атрибуции, т. е. автор кодирует цитату при помощи прибавления к ней различных частиц или союзов, «перевернутой интерпретации» или «закавычивания»; 2) аллюзии с атрибуцией, предполагающей отсылку к пре-тексту с закодированным указанием на источник, и неатрибутированные аллюзии, выполняющие «функцию открытия нового в старом» и требующие определенного усилия от читателя, порождая «дополнительный стилистический эффект»; 3) центонные тексты, состоящие из блока цитат и аллюзий [2].

В настоящей работе, принимая во внимание комплексный характер феномена интертекстуальности, мы обращаемся к изучению «тематической интертекстуальности», состоящей в установлении определенного библейского сюжета как глубинного основания сюжета детективного произведения. Поскольку «тематическая интертекстуальность» может проявляться через различные языковые элементы, формирующие так называемую «материальную интертекстуальность», то в качестве таких элементов мы будем анализировать аллюзии с опорой на подход Н. А. Фатеевой.

Библейский текст представляет собой один из самых используемых пре-текстов. Будучи основой христианской культуры, он является наиболее узнаваемым для образованного европейского читателя. Кроме того, Библия занимает особое положение в культурной памяти народа в целом и его отдельных представителей, и при этом легко может воспроизводиться в заданном контексте. Прецедентные тексты выполняют несколько функций: с одной стороны, они являются эталонами культуры, с другой – функционируют как некая метафора, «выступающая символом определенного феномена или ситуации» [4].

Христианская культура нашла свое выражение в языке, формируя целый пласт лексических единиц – библеизмов, которые прочно закрепились в языке. Необходимо сказать, что в англоязычной художественной культуре отсылки к Библейским текстам являются распространенной практикой. И здесь следует отметить, что язык и культура нераздельно

связаны друг с другом и, как отмечают в своей работе В. И. Заботкина и Е. Л. Боярская, являются ресурсами знания и их репрезентаций в мире, позволяя сформировать такую коммуникативную систему знаков, которая будет узнаваема всеми членами этого лингвокультурного сообщества [7]. Мы нередко встречаем разного рода языковые единицы, сохраняющие или выражающие связь с библейским источником (модифицированные библейские фразеологические единицы, цитаты и аллюзии и др.), в дискурсах различных типов, но в большей степени в художественных произведениях. Текст Священного Писания остается источником текстовых реминисценций, так как является «гипертекстом мировой культуры и осуществляет постоянное формирующее воздействие на нее, на менталитет человека. Библейские смыслы, образы пронизывают другие тексты, давая возможность Библии соединяться с современной литературой» (цит. по: [4]).

Детектив, как разновидность художественного дискурса, также содержит отсылки к Священному Писанию, не только потому что он относится к этому типу дискурса, но еще и потому, что сама сущность жанра детектива предполагает связь с христианством, обращение к нравственному аспекту преступления [8]. Опираясь на вышеназванные положения, мы проанализируем детективный рассказ Э. К. Бентли на предмет содержания в нем интертекстуальных элементов-аллюзий, позволяющих реконструировать тот библейский сюжет, который ложится в его основу.

Материалы и методы исследований

Э. К. Бентли (1875–1956) является представителем классического детективного жанра, в творческой деятельности которого насчитывается более 11 крупных работ, включающих в себя серию о сыщике Филипе Тренте (Philip Trent), романы и рассказы, а также сборники стихов. Его произведения отличаются остросюжетностью и непредсказуемостью финала. Он создает образ общительного, ошибающегося сыщика, которому не чужды человеческие чувства. Особенностью рассказов о Тренте является то, что он как сыщик непосредственно не участвует в задержании преступника, давая возможность законной власти решать этот вопрос. Сам же он не судит действия преступника, но дает ему возможность осознать свою вину. Этим объясняется акцент на моральной стороне детективного дискурса. Фактически Трент реализует Библейский принцип: «*Be ye therefore wise as serpents, and harmless as doves*» [Mat 10:16] [9] «...будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» [Мф 10:16] [Там же].

Для изучения характера влияния библейского сюжета на формирование сюжета детектива нами был

отобран рассказ Э. К. Бентли «The Genuine Tabard»¹ (пер. «Подлинный табард»). Анализ рассказа производится по следующему алгоритму. Сначала определяется библейский сюжет, который, как мы полагаем, выступает источником рассказа. Затем для верификации правильности нашего предположения сопоставляются характерные черты героев детектива и библейского источника. Обнаруженные сходства и отличия позволяют сделать следующий шаг – установить языковые средства, эксплицирующие и, соответственно, подтверждающие связь сюжета Библейского текста с сюжетом детективного рассказа. На заключительном этапе описываются установленные типы неатрибутированных аллюзий. Перейдем к описанию результатов.

Результаты исследования

Наше исследование показало, что в основе сюжетной линии анализируемого рассказа лежит такой вид преступления, как мошенничество (подмена табарда). Путешествуя по Англии и коллекционируя предметы древности, супружеская чета Ленглей заезжает в церковь в небольшой деревне, где встречает местного vicar. Тот показывает надпись на древнем надгробии, а также продает коллекционерам табард, который на первый взгляд не вызвал сомнений в его подлинности, но по ходу расследования выясняется, что не только табард, но и надпись, и место, и сам vicar оказываются ложными.

Анализ сюжетной линии рассказа указал на ее близость тексту из книги Бытия, повествующему об обмане Иакова его родственником по материнской линии – Лаваном. Рассмотрим кратко сюжет Библейского текста.

Спасаясь от преследований старшего брата, Иаков, по совету матери, ищет убежище у своего дяди. В его доме Иаков видит красавицу Рахиль, младшую дочь Лавана, и заключает с ее отцом договор: за Рахиль Иаков будет служить в доме Лавана 7 лет. Примечательно, что в библейской истории на свадьбе происходит подмена Лаваном одной дочери на другую, мотивированная законом страны, где младшую дочь не выдают замуж в обход старшей. При этом, по договору между Лаваном и Иаковом, первый должен был выдать замуж за племянника младшую дочь, Рахиль. Обман раскрывается Иаковом только наутро после свадьбы.

Связь обоих текстов наблюдается в персонажах (Лаван vs Vicar и его жена), в наличии объекта обмана (девушка vs табард), жертвы обмана (Иаков vs М-р Ленглей).

¹ Далее приводятся примеры из книги Bentley E. C. The Genuine Tabard [10].

Указанная связь между сюжетами (Библейским и детективным) на уровне главных действующих лиц подтверждается в ходе выявления двух основных типов аллюзий, используемых в детективном рассказе: 1) аллюзии, которые способствуют трансформации библейского сюжета, помещая его в определенную историческую эпоху; 2) аллюзии (а также интертекстуальные элементы), которые позволяют декодировать и реконструировать библейский сюжет внутри детектива.

Рассмотрим аллюзии первого типа – языковые единицы, относящиеся к историческим событиям, местам и именам и способствующие «модернизации» Библейского сюжета, приближению его к новой реальности.

Внимания заслуживает, прежде всего, имя на надгробии *sir Rowland*, фонетически схожее с именем героя из французского эпоса *The song of Roland*, что должно было уверить приехавших коллекционеров и читателя в достоверности надписи на надгробии в церковном дворе и что является одной из манипулятивных стратегий, примененных мошенниками для создания убедительной лжереальности. Более того, сам объект, ради которого развернулась вся мошенническая операция – табард – уже погружает читателя в определенный исторический контекст на уровне названия детектива, особенно когда уточняется, к какому именно периоду он относится (A Peace of Versailles).

Примером аллюзии, позволяющей декодировать используемую автором конкретную библейскую историю, является аллюзия на объект подлога.

В отличие от Библейского текста, в котором подмена происходит в отношении двух девушек, в анализируемом тексте происходит подмена одной надгробной плиты на другую, подлинного табарда (*tabard*) на фальшивый. Кроме того, в Библейской истории объектом обмана выступает личность девушки, а в детективе – неодушевленный предмет. Стоит также отметить, что в Библейском тексте мошенничество обнаруживается лично Иаковом, в детективном рассказе – посредством третьего лица – сыщика, который раскрывает совершенное преступление.

Аллюзию на Библейский сюжет мы находим в сопоставлении речевых актов жертв подлога, что является сложно декодируемой аллюзией, поскольку она находится на дискурсивном уровне.

Монологические высказывания обоих обманутых людей совпадают в имплицитно выраженном речевом акте упрека (как человек, которому полностью доверяли, мог обмануть?), что эксплицитно выражается в прецедентном тексте через следующие один за другим вопросы.

Библейский текст: What is this thou hast done unto me? Did not I serve with thee for Rachel? Wherefore then hast thou **beguiled** me?

Нарастающее напряжение выражено в конкретной схеме градации и объективизации упрека: общий вопрос о совершенном действии, затем конкретизация предмета ожидания, наконец, результат – обман ожиданий. Также важен тот факт, что разговор происходит между близкими родственниками, Иаков искал защиты в доме своего дяди, Лавана, поэтому рассчитывал на доверительные и честные отношения. Именно по этой причине высказанный им упрек имеет сильное воздействие на читателя.

Несколько измененная схема наблюдается в эпизоде пострадавшего М-ра Лэнгли в рассказе Э. К. Бентли. Сравним отрывок:

The Genuine Tabard: 'If what you say is true, Mr Trent, and if that old fraud was **playing me for a sucker**, I will get him jailed if it's my last act. But it certainly is hard to believe – a preacher – and belonging to one of your best families – settled in that lovely, peaceful old place, **with his flock to look after and everything**. Are you really sure of what you say?'

В приведенном тексте схема имеет обратный порядок: обман ожиданий (выраженный условными формами *клайз*, что предполагает сомнение говорящего); ожидание (честность продающего); общий вопрос о предмете.

В этом же отрывке мы находим эксплицитную аллюзию к Библейскому образу проповедника – пастыря (пастора): *a preacher... settled in that lovely, peaceful old place, with his flock to look after and everything*. В Библейском тексте Иисус метафорически называет Себя добрым Пастырем. Сравним с оригиналом:

Библейский текст: I am the **good shepherd: the good shepherd** giveth his life for the **sheep** [Jn 10:11].

Сегодня священники Церкви по аналогии именуются пастырями, оберегающими своих прихожан, как овец (паству), которые им всецело доверяют. Опираясь на это общекультурное фоновое знание, становится очевидным недоумение М-ра Лэнгли. В речи М-ра Лэнгли мы находим неатрибутированную аллюзию к Библейскому образу пастыря: *Good shepherd – preacher; sheep – his flock*. Эта аллюзия создает эффект стабильности и доверия. Но при этом предложение заканчивается на фразу «*and everything*», брошенную в раздражении говорящим, что придает всему высказыванию ноту пренебрежения и наталкивает читателя на мысль, с одной стороны, о стандартности ситуации, с другой – о намеке на мошенничество. Усилением этого эффекта является использование приема обособления: – *and belonging to one of your best families* –. Если в случае с Библейским текстом читатель понимает всю низость обмана исходя из модели «дядя – племянник» (кровное родство), то в детективном рассказе этот эффект достигается при помощи модели «священник (пастор) – прихожанин» (духовное родство). Итак, в приведен-

ном примере интертекстуальность реализуется в пересечении аллюзивной схемы выстраивания речевого акта, образов героев, и общего мотива историй, выраженном в лексических единицах: *beguiled, play me for a sucker*.

Опишем также выявленные нами аллюзии, которые выступают своего рода индикаторами тематической интертекстуальности в тексте изучаемого детектива.

Одним из контекстно-обусловленных маркеров тематической интертекстуальности является отсылка к определенному времени суток, выраженная такой лексической единицей, как *morning*. Сравним контексты:

Библейский текст: And it came to pass, that **in the morning**, behold, **it was Leah** (not Rachel) [прим. автора].

The Genuine Tabard: The car that called for Langley **next morning**... but **there isn't any place called Silcote** Episcopi on his map.'; I know this is the grave – **but** it says that here is laid to rest the body of James Roderick Stevens, of this parish.'

Как мы видим из приведенных отрывков, обнаружение обмана в обоих текстах происходит наутро *in the morning – next morning*.

Здесь необходимо упомянуть одну важную культурологическую деталь. Иаков поздно обнаружил, что в жены ему дали другую девушку, потому что по древнееврейской традиции наряженную в светлые одежды невесту укрывали покрывалом таким образом, что лица ее не было видно. В детективе мошенниками обман искусно завуалирован при помощи аллюзий к историческим именам, а также стилистической схожести текстов, о чем мы еще будем говорить.

В приведенном выше контексте детективного рассказа мы находим еще несколько аллюзий, реализующихся при помощи трансформации объектов мошенничества. В тексте Библии это девушка *Leah*, в детективе, помимо основного объекта – табард (*tabard*), еще и место, где расположены ложное наименование и надгробная надпись. В Библейском тексте при помощи вводной частицы *behold* автор четко указывает на подмену в лице девушки «*behold, it was Leah*», в тексте детектива это представлено через следующие компоненты: через отрицательную частицу *not* и слова *place* внутри дейктической конструкции *there isn't any place called Silcote Episcopi*, а также через разделительный союз *but it says that*, после которого представлен текст подлинной надгробной надписи. Таким образом, маркером интертекстуальности в данном случае являются место и надгробная надпись, коррелирующаяся с образом невесты в Библейском тексте.

Отсылку к Священному Писанию, эксплицитно выраженную через библейский фразеологический оборот, мы находим в речи жены пострадавшего, Миссис Лэнглей.

Библейский текст: Neither do men light a candle, and **put it under a bushel**, but on a candlestick; and it giveth light unto all that are in the house [Mt 5:15].

The Genuine Tabard: He has no idea of **hiding it under the bushel**, believe me!

В контексте детектива автор заменяет исконный глагол *put* на глагол *hide*, что соответствует общей идее текста о ворах и мошенниках, которые скрывают, прячут, таятся. Местоимение *it* указывает на измененный объект – *tabard*. В данном случае жена человека, купившего табард, убеждает не только сыщика, но и читателя в том, что муж – человек честный, без дурных намерений. Более того, модифицированный библеизм в устах женщины подразумевает узнавание в ней человека, который связан с церковью и знаком со Священным Писанием.

В тексте рассказа мы находим больше примеров неатрибутированной, сложно декодируемой аллюзии, которая порождает новые смыслы в пространстве детективного дискурса, расширяя сюжетные границы Библейской истории. Более того, отметим, что для усиления эффекта в детективном рассказе автор раскрывает несколько этапов мошенничества, одним из которых является надгробная надпись, о которой мы говорили выше. Сравним два текста:

Библейский текст: Blessed are they which are persecuted for righteousness' sake: for theirs is the kingdom of heaven [Mat 5:10].

The Genuine Tabard:
She was a Woman of fine Sense
genteel Behaviour,
prudent Oeconomy
and
great Integrity.

‘This is the Gate of the Lord:
The Righteous shall enter into it.’

На фальсифицированной надгробной плите текст витиеват, неестественно удлинен, с множеством лексических единиц Библейского происхождения: *Redeemer, salvation, entered into Rest*. Особое внимание привлекают последние две строки ‘*This is the Gate of the Lord: The Righteous shall enter into it*’, которые являются скрытой аллюзией к главе 5 Ев. от Матфея. Синтаксическая структура предложения претендует на статус цитаты из Священного Писания, так как выдержан стиль и ритм фразы, и в тексте она взята в кавычки, но читателем предложение определяется как пародия на исходный текст, что

является очередным тематическим маркером проявления мошенничества.

В завершение детективного рассказа мы находим еще одну неатрибутированную аллюзию, выраженную в постоянно повторяющихся лексических единицах *impostors, thieves and swindlers, to fake up*, а также в описании последовательности использованной мошенниками «декорации»: *false signpost, false name, the swindle, the top layer of the gravestone was false too*. Рассмотрим оба текста:

Библейский текст: Beware of **false prophets**, which come to you **in sheep's clothing**, but inwardly they are ravening wolves [Mat 7:15].

The Genuine Tabard: I am sorry to say, Canon, that your tenants were **impostors**... But I can tell you what they are. They are **thieves and swindlers**.’

Расследование подходит к концу, и суперинтендант Оуэн объясняет присутствующим, кто были те люди, выдающие себя за священника и его жену. Основу аллюзии выполняют лексические единицы *impostors, false, swindler; sham*, которые в заданном контексте отсылают к Библейскому пре-тексту. В приведенном отрывке мы наблюдаем вплетение в сюжетную линию нового усложняющего элемента «*false*

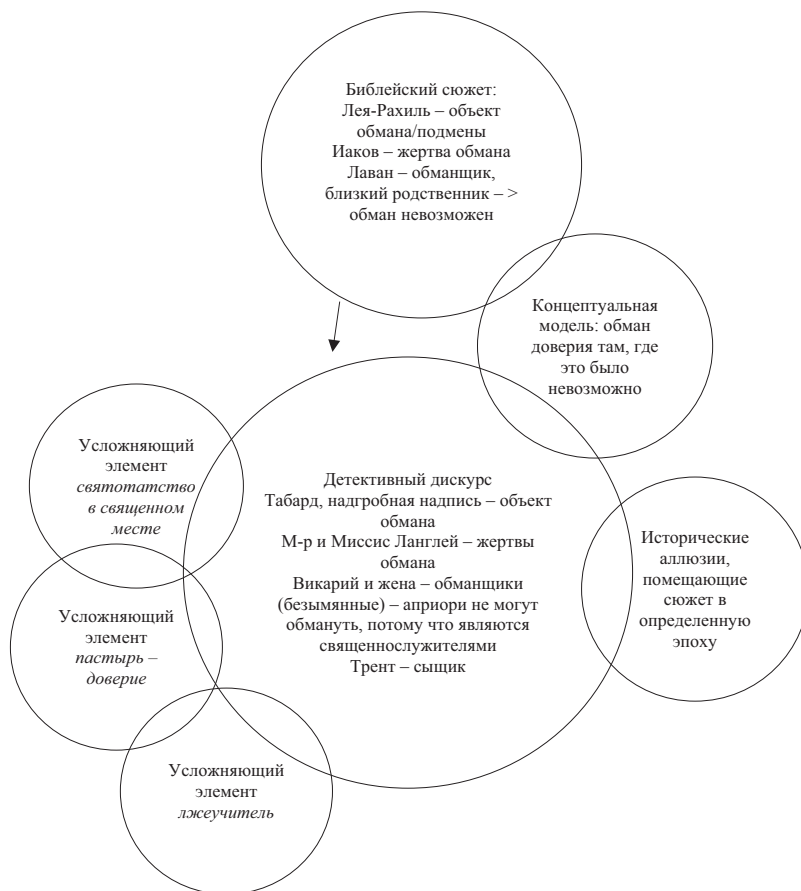

Рисунок. Концептуальная модель взаимодействия детективного текста и Библии

prophets», который только укрепляет тематическую интертекстуальность.

Проведенное исследование аллюзий, разделяющихся на несколько категорий, усложняющие элементы, задающие новый поворот библейской сюжетной линии в рамках детектива, а также сходство персонажей позволяют сформировать и построить концептуальную модель, наглядно демонстрирующую все аллюзивные отсылки к Библейским сюжетам в детективе (рисунок).

Заключение

Из проанализированных примеров мы видим, что текст детектива взаимодействует с текстом Библии не только на уровне текстовых эксплицитных аллюзий, но и на уровне скрытых, едва уловимых отсылок к Священному Писанию, что требует от читателя особых культурных фоновых знаний.

Более того, мы исследовали тематическую интертекстуальность и обнаружили, что заимствованный Библейский сюжет модифицируется внутри детективного дискурса путем развития образов, введения новых усложняющих элементов, а также при помощи изменения временного пространства рассказа и изменения структуры сюжета. Начиная с общих сюжетных отсылок к Библейской истории, мы выявили, что тематическая интертекстуальность проявляется в образах не только главных героев, но и в корреляции образов второстепенного плана (*bride – tabard*).

Нами были определены две основные группы аллюзий, первая содержит аллюзии (выявлено 2), способствующие модификации сюжета, указывающие на конкретные исторические имена, предметы и места, вторая – аллюзии (выявлено 8), помогающие реконструировать сюжет источника. Проанализированные аллюзии в тексте детектива можно систематизировать следующим образом: аллюзии (эксплицитно проявляющиеся в тексте), выраженные через библейские фразеологические единицы; неатрибутированные аллюзии (трудно декодируемые), выраженные через синтаксическую структуру предложений или фраз, через изменение части речи, через синонимичные слова или конструкции, через смысловую корреляцию. На основе проанализированных примеров было установлено, что аллюзия может выполнять функцию эмоционального воздействия на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.; Augsburg, 2002. 167 с.
2. Кристева Ю. Избранные труды : разрушение поэтики ; пер. с фр. М. : РОССПЭН, 2004. 656 с.
3. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М. : Агар, 2000. 282 с.
4. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов : кол. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М. : Флинта, 2021. 352 с.
5. Зыкова И. В. Интердискурсивные параметры лингвокреативности (на материале кинодискурса) // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 11–29.
6. Lemke J. L. Intertextuality and Educational Research // Linguistics and Education. 1992. Vol. 4. Pp. 257–267.
7. Заботкина В. И., Боярская Е. Л. Слова и смыслы в ментальных пространствах языка и культуры // Вестник РГГУ. Сер. «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. Вып. 4 (3). С. 300–311.
8. Моисеев П. Поэтика детектива. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 238 с.
9. Holy Bible. King James Version. Vereeniging : Christian Art Publishers, 2016. P. 1002.
10. Bentley E. C. The Genuine Tabard // Bentley E. C. Trent intervenes. London : Collins Crime Club, 2017. Pp. 20–34.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow; Augsburg, 2002. 167 p.
2. Kristeva Yu. *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected works: Destruction of poetics]. Moscow: ROSSPEN, 2004. 656 p.
3. Fateeva N. A. *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov* [The counterpoint of intertextuality, or Intext in the world of texts]. Moscow: Agar, 2000. 282 p.
4. *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [Intertextuality and figures of intertext in different types of discourse]. Ed. by T. N. Kolokol'ceva, V. P. Moskvina. Moscow: Flinta, 2021. 352 p.
5. Zykova I. V. *Interdiskursivnye parametry lingvokreativnosti (na materiale kinodiskursa)* [Interdiscursive parameters of linguocreativity (based on the material of the film discourse)]. In: *Criticism and semiotics*. 2021. Issue 2. Pp. 11–29.
6. Lemke J. L. Intertextuality and educational research. In: *Linguistics and Education*. 1992. Vol. 4. Pp. 257–267.
7. Zabotkina V. I., Boyarskaya E. L. Slova i smysly v mental'nykh prostranstvakh yazyka i kul'tury "Words and meanings at the crossroads of mental spaces of language and culture". In: *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*. 2022. Issue 4 (3). Pp. 300–311.
8. Moiseev P. *Poetika detektiva* Poetics of the detective. Moscow: Ed. Higher School of Economy.
9. Holy Bible. King James Version. Vereeniging: Christian Art Publishers, 2016. P. 1002.
10. Bentley E. C. The Genuine Tabard. In: *Bentley E. C. Trent intervenes*. London: Collins Crime Club, 2017. Pp. 20–34.

Московский государственный лингвистический университет

Оводова М. К., аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания

E-mail: ovodova.mary@yandex.ru

Поступила в редакцию 13 февраля 2024 г.

Принята к публикации 27 мая 2024 г.

Для цитирования:

Оводова М. К. Роль аллюзии как элемента интертекстуальности в детективном дискурсе (на базе рассказа Э. К. Бентли «The genuine tabard») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 3. С. 96–103. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/3/96-103>

Moscow State Linguistic University

Ovodova M. K., Post-graduate Student of the General and Comparative Linguistics Department

E-mail: ovodova.mary@yandex.ru

Received: 13 February 2024

Accepted: 27 May 2024

For citation:

Ovodova M. K. The role of allusion as an element of intertextuality in the detective discourse (on the base of the story “The Genuine Tabard” by E. C. Bentley). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2024. No. 3. Pp. 96–103. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/3/96-103>